

«...ТАК ИНТЕРЕСНО ЖИТЬ!»: БЛОКАДНЫЙ ДНЕВНИК И. Ф. КРАТТА

(Публикация А. В. Сысоевой)

Судьба писателя и военного корреспондента Ивана Федоровича Кратта (1899–1950) в блокадном городе оказалась удачной: выжили и он, и жена. Для дневника, который Кратт начал вести 21 окт. 1941 г., характерен оптимистичный тон. Он верил в освобождение, говорил о необходимости быть сильным духом, чтобы выжить. В дневнике нет ничего, что могло бы не пройти цензуру; писатель полностью поддерживал власть, хотя и был беспартийным.

Кратт уже участвовал в двух войнах, работая по линии пропаганды: в 1919–1920 гг. был инструктором в Красной Армии по культурно-просветительской работе Политического управления округа; во время Финской войны «служил военным писателем», за что получил грамоту Военного Совета. В первые же дни Великой Отечественной войны, 4 июля, Кратт выступил на митинге писателей, призывая идти в народное ополчение, и в тот же день записался добровольцем. Его убеждения, несомненно, помогали пережить блокаду.

Военная служба представлялась ему менее продуктивной и привлекательной, чем литературная деятельность. Судя по записи от конца ноября–начала декабря 1941 г., он разочаровался в идее ополчения: «Разве не нужнее десятка три писателей, нужных стране там, за блокадой, и в дальнейшем, чем эти три десятка негодных вояк? Практика уже показала с писательским ополчением».¹ В июне 1943 г. во время мобилизации Кратт был взят в армию рядовым, хотя имел звание интенданта 2 ранга. Положение рядового не позволяло работать по специальности и мешало назначению его заведующим отделом прозы в журн. «Звезда», о котором ходатайствовало Ленинград-

---

¹ *Кратт И. Ф.* Дневниковые записи о блокадном Ленинграде и о последних днях Великой Отечественной войны // РО ИРЛИ, ф. 674, оп. 1, ед. хр. 500, л. 1 об. Текст дневника приведен в данной публикации, потому цитаты из него в дальнейшем приводятся без пояснений.

ское отделение Союза писателей (далее – ЛО СП). К решению вопроса был привлечен секретарь Союза советских писателей (далее – ССП) СССР А. А. Фадеев, сам Крафт писал Председателю Всесоюзного радиокомитета Д. А. Поликарпову и первому секретарю Ленинградского обкома и горкома А. А. Жданову,² но остался рядовым и был демобилизован 11 июля 1945 г.³

Сложности военного времени не повлияли на общий тон записей. Крафт даже отказался эвакуироваться в начале декабря 1941 г. А в конце месяца в дневнике он писал: «Вставать радостно. Ждешь нового дня, как события. Кажется так интересно жить! Ведь живем в необычное время. Мы участники замечательных страниц истории. Одно плохо: движешься с трудом и страшно становится расстояний. Но голова работает. Хочется, как никогда, писать». От тяжелых мыслей во многом отвлекала погруженность в работу: «Иногда думаю о романе как о единственной отдушине среди жестокой действительности. Работаю – отдыхаю». Творческая активность Крафта зафиксирована в составленном им списке созданных в годы войны произведений, – это сборники рассказов, повести и роман. Но не все его работы вошли в 9 пунктов списка: «Помимо этого рассказы и очерки печатались в журналах „Звезда“, „Ленинград“, „Литературный современник“, „Костер“, газетах фронтовых и городских, сборниках „Родина зовет“ № 1, 2 и 3, „Ленинград 44 г.“ и др.

В 1941–1943 свыше 50 статей и фельетонов для радио, около ста выступлений на фронте, заводах и госпиталях. Написаны истории двух воинских частей. Кроме того, заканчиваю вторую книгу о связистах».⁴

С начала войны Крафт служил военным корреспондентом Телеграфного агентства Советского Союза, входил в Правление и Президиум ЛО СП; в июне 1942 г. ему предложили войти в Правление Пушкинского общества. Любимая работа, а также ощущение значимости происходящих событий, мысль об участии в создании истории поддерживали писателя. Конечно, выжить помогло и то, что Крафт работал сразу в нескольких местах. При этом он сумел не только воплотить в жизнь довоенные замыслы, но и написать новые актуальные произведения, в первую очередь рассказы и очерки о войне. Они были востребованы, а писатель прикреплен к столовой ССП; ему как

---

² Крафт И. Ф. 1) Письмо Д. А. Поликарпову // Там же, ед. хр. 346; 2) Письмо А. А. Жданову // Там же, ед. хр. 327.

³ Направление демобилизованного Крафта И. Ф. // Там же, ед. хр. 507, л. 61.

⁴ Крафт И. Ф. Список книг, написанных им за годы Отечественной войны // Там же, ед. хр. 497, л. 1.

активному члену Правления ССП иногда выдавали дополнительное снабжение; он получал приглашения на торжественные заседания в честь государственных праздников; уже после первой тяжелой зимы был вместе с женой командирован в Москву и Вологодскую область.

В дневнике речь идет и об организации так называемых «устных альманахов». Судя по «Книжной летописи», в апреле 1941 г. Ленинградское отделение издательства «Советский писатель», в котором работал Кратт, выпустило в том числе под его редакцией «Ленинградский альманах» с произведениями ленинградских авторов (Кратт поместил там свои рассказы; в сборник вошли также стихотворения упоминаемых в дневнике А. Прокофьева, С. Спасского, рассказы Г. С. Гора, и др.). Рецензент сборника отметил, что «это первый номер из задуманной Издательством постоянной серии. Следующий номер выйдет в конце 1941 г.».⁵ Война не дала продолжиться серии. Но «устный альманах», названный Краттом вторым, обсуждался им с Гором тогда, когда предполагался выход в свет второго печатного альманаха. Видимо, «устные альманахи» представлялись заменой планировавшимся изначально печатным, и Кратт собирал поэтов для чтения своих произведений. Предновогодний альманах 29 дек. 1941 г. даже завершился обедом в ресторане Дома писателя им. Маяковского.⁶

И работа, и быт автора дневника связаны с ССП. Жил Кратт в доме 9 по каналу Грибоедова. К 1935 г. к зданию были достроены два этажа, и эта надстройка, включающая в себя 56 квартир, была передана писательскому кооперативу с 1 июня 1935 г., в нее сразу въехало 60 писательских семей. В доме жили Л. И. Борисов, Б. С. Житков, М. М. Зоценко, В. А. Каверин, В. К. Кетлинская, М. И. Козаков, Л. И. Раковский, В. А. Рождественский, В. М. Саянов, М. Л. Слонимский, И. С. Соколов-Микитов, О. Д. Форш, Е. Л. Шварц, В. Я. Шишков и мн. др. Надстройка была сделана плохо (о холоде именно в ней регулярно сообщал в дневнике Кратт, в его же архиве сохранилась выписка из приказа Ленинградского отделения Литературного фонда от 28 нояб. 1944 г. об отстранении коменданта надстройки от должности, поскольку она не приводила помещения в порядок⁷), была тес-

---

⁵ Б. н. Ленинградский альманах. Рецензия // Там же, ед. хр. 539, л. 2. В следующий раз сборник с таким же названием вышел в 1945 г. в «Лениздат». Он начал серию, составившую 11 книг (5 сдвоенных) и завершившуюся в 1959 г. книгой № 16–17.

⁶ Подробнее об альманахах см. в воспоминаниях: *Лужницкий П. Н.* Ленинград действует. М., 1961. С. 390–391, 494 (записи от 15 нояб. и 29 дек. 1941 г.).

⁷ *Кратт И. Ф.* Материалы, связанные с его квартирой в надстройке Литфонда // РО ИРЛИ, ф. 674, оп. 1, ед. хр. 538, л. 18.

ной, два ее этажа по высоте соответствовали одному этажу остального дома. Кратт сначала жил в квартире 14, но после того, как в здание под ней попал снаряд, его перевели в квартиру 78, практически нежилую, и в 1943–1944 гг. ему пришлось делать обширный ремонт стоимостью в 12 100 руб.⁸

В дневнике не вставал обычный для тяжелого времени вопрос безденежья. Но появлялись темы, характерные для многих других блокадных записей: Кратт сообщал о нормах выдачи хлеба, о стоимости еды на рынке, о высокой смертности и опасности чумы из-за трупов на улицах, о прекращении трамвайного движения и молчании радио, об обстрелах и о бомбоубежище. Конечно, в документе нашли отражение и приметы личного быта (холод, плохое освещение, замерзающие чернила), и события из жизни писателя (контузия снарядом по пути в Союз, вражеский обстрел и попадание в дом Кратта, когда он сидел в своей комнате и работал).

В записях Кратта нашла отражение специфика его труда, он фиксировал значимые события литературной деятельности: работу над первой частью романа-трилогии «Америка» (вариант названия – «Русская Америка», при публикации – «Великий Океан») и рассказом «Закон жизни», замысел которого вскоре расширился, и писатель создал одноименный сборник рассказов. Обе работы Кратт ценил высоко. Скорее всего, именно о «Законе жизни» в письме к Поликарпову от 1 июня 1944 г. он сообщал: «единственная книжка прозы в самые тяжелые дни города была выпущена мной».⁹ Видимо, об этой же книге идет речь в письме австралийской писательнице-коммунистке Катарине Сусанне Причард, посещавшей Советский Союз в 1933 г., постоянной корреспондентке журн. «Интернациональная литература». Приведем черновик письма, сохранившийся в архиве писателя, полностью, поскольку он может дополнить дневник:¹⁰

«Уважаемая госпожа Причард!

Два года назад в журнале „Интернациональная литература“ было опубликовано Ваше письмо о классической и современной русской

---

⁸ Там же, л. 14.

⁹ Кратт И. Ф. Письмо Д. А. Поликарпову. Л. 1.

¹⁰ Кратт И. Ф. Письмо Причард (Prichard) Катарине Сусанне // Там же, ед. хр. 347, л. 1. Здесь и далее при цитатах из архивных источников используются следующие условные обозначения: в квадратных скобках [ ] помещается зачеркнутый фрагмент, в косых \ / – вставки в текст, в угловых < > приведены пояснения публикатора. В письме Причард показана не вся правка, а только характерная. Можно заметить, что Кратт несколько смягчил описание бедственного положения города.

литературе. В этом письме Вы писали и о моей новелле „Каюор“ («Мульта»)¹¹ Кроме того, я узнал, что обо мне упомянули и на Вашей ноябрьской конференции прошлого года.¹²

Сейчас я живу в Ленинграде, городе, который никогда не сдастся фашистам, и вместе со всеми писателями стараюсь быть достойным его защитником.

Ленинград – фронт. На передовые линии мы ездим в трамвае, но обстрелы вражеских батарей, блокада не могут помешать нам работать. Посылаю Вам свою маленькую книжку военных рассказов, выпущенную в осажденном Ленинграде в самые суровые и трудные дни, в стужу, в бомбежки, [когда не хватало электрической энергии и] \когда/ книги \иной раз/ печатались вручную, при свете коптилок. Но город не прекращал ни на минуту своей напряженной и прекрасной жизни.

Шлю Вам далекий, искренний привет соратнику в борьбе против гитл<еровской> Германии.

Мы победим!

Ив. Кратт

6/Х 42 г. Ленинград»

Письмо выдержано в тоне официальных отчетов, потому что оно было обращено к зарубежному адресату. Для нас важна в этом случае не автоцензура, а то, что писатель стремился поддерживать связь с внешним миром, хотел заявить, что и он, и город не сдаются. Видимо, свою книгу военных рассказов он воспринимал как вызов врагу. Но книга была подписана в печать в июне 1942 г., а в письме речь идет о службе. Возможно, зимой был начат набор. К сожалению, нет точной

---

¹¹ «Недавно я выступила в Обществе австралийских писателей с лекцией о классической и современной русской литературе. <...> Мною был отмечен также рассказ Кратта „Каюор“, который я считаю замечательным образцом новеллы» (*Причард К. С. Письмо в редакцию // Интернациональная литература. 1940. № 7–8. С. 318*). Журнал был подписан к печати только 30 сент. – 16 окт. 1940 г., так что, несмотря на то что в 1940 г. было подготовлено еще два двоянных номера, № 7–8 действительно вышел примерно за два года до даты составления письма. Рассказ «Каюор», как и большинство довоенных произведений Кратта, посвящен народам Севера. Это произведение о погонщике собак, совершившем героический поступок, догоняя по пурге ведущего перепись населения человека, чтобы сообщить ему о рождении не внесенного в список ребенка.

¹² Об этой конференции см.: *Причард К. С. Голос народа Австралии // Интернациональная литература. 1942. № 6. С. 146*. Но в заметке Причард не идет речь о содержании ее доклада и об упоминании в нем Кратта. Откуда писатель получил эти сведения, неизвестно.

информации о времени выхода сборника – в годы войны страдала обычная система регистрации книг, в «Книжной летописи» за 1942 г. не зафиксирована ни одна книга Кратта, увидевшая свет в Ленинграде. В списке, составленном писателем, есть еще три книги, выпущенные в 1941–1942 гг. Но две из них вышли уже летом 1941 г., а третья, «Балтийские рассказы», была выпущена в Москве. Все же обращение к сборнику в составленной им для Совинформбюро биографии («Во время осады Ленинграда им написана книга рассказов „Закон жизни“, единственная книга художественной прозы, вышедшая в те месяцы в осажденном городе»¹³) позволяет с высокой степенью уверенности утверждать, что о нем же Кратт сообщал Поликарпову и послал его Причард.

Не менее знаковым произведением был роман на тему истории России, начатый в мирное время, «Остров Баранова». Запись о его окончании оказалась одной из пяти в блокноте после февраля 1942 г., причем четыре оставшихся были посвящены прорыву и снятию блокады и Победе в войне. Судьба романа оказалась тесно связана с войной, Кратт говорил на обсуждении этого произведения: «Половина романа написана до войны. 22 июня 41 г. Н. П. Вагнер¹⁴ в 12 часов мне сообщил, что объявлена война. Я писал, кончил одну из глав, и тогда это известие даже не дошло до меня, и только потом пришлось прекратить работу на полгода. Во время блокады я продолжал писать».¹⁵ Действительно, в фонде Кратта сохранился читательский билет Публичной библиотеки за 1941 и 1942 гг., – писатель собирал материал, читая и копируя исторические книги, сборники документов. Судя по отзыву рецензента А. А. Садовского от 27 июня 1944 г. и редактора М. М. Зощенко от 3 нояб. 1944 г., роману требовалась серьезная доработка. Для того чтобы предоставить служившему рядовым писателю возможность ее осуществить, понадобилась телеграмма директора Гослитиздата П. И. Чагина и договоренность с секретарем горкома А. И. Махановым.¹⁶ Переписка с рецензентом приходится на 1944–1946 гг.¹⁷ Длительная работа над произведением не прошла даром – в историю литературы писатель вошел как автор романа об ос-

¹³ *Кратт И. Ф.* Биография // РО ИРЛИ, ф. 674, оп. 1, ед. хр. 494, л. 1.

¹⁴ *Вагнер Николай Петрович* (1897–1988), см. примеч. 84 на с. 344.

¹⁵ Заседание секции прозаиков. Обсуждение романа И. Ф. Кратта «Остров Баранова». Стенографический отчет // РО ИРЛИ, ф. 674, оп. 1, ед. хр. 563, л. 5.

¹⁶ *Кратт И. Ф.* Разные документы, связанные с его литературной и общественной деятельностью // Там же, ед. хр. 507, л. 54–60. *Маханов Александр Иванович* – секретарь Ленинградского горкома партии.

¹⁷ *Садовский А. А.* Письма (8) и телеграммы (2) Кратту И. Ф. // Там же, ед. хр. 448; *Кратт И. Ф.* Письмо Садовскому А. А. // Там же, ед. хр. 348.

воени русскими первопроходцами Аляски «Великий океан», первой частью которого был «Остров Баранова».

Столь многообразное содержание дневника было изложено кратко и в очень спокойном тоне. Подобно спокойствию в моменты смертельной опасности (из дневника известно, что в бомбоубежище во время налетов Кратт с женой не ходили) отношение к событиям и сценам из жизни: слабо выражены эмоции, почти нет оценки происходящего, нет жалоб. Кратт выступал скорее как хроникер. Даже случаи поедания кошек и людоедства просто фиксировались. На этом фоне необычным выглядит негодование по поводу отношения к еде: в столовой ССП «рвутся к обеду, как свиньи к корыту». Кратт отмечал, что его коллеги перестали смущаться, выпрашивали и выменивали карточки. Сильно его задевало то, что члены Союза писателей опустили и не следят за собой. Видимо, Кратт считал, что такое поведение не соответствует моральным принципам, которые должны быть присущи интеллигентному человеку. Отдельная запись посвящена тому, что ленинградки перестали наряжаться, ходят в мужской одежде. Кажется, писатель пытался уловить и перечислить различия между мирным временем и войной, в первую очередь проявленные в поведении окружающих. Главным для Кратта, судя по композиции дневника, оказалось все-таки отношение не к еде, а к смерти. Равнодушие к смерти близких описано в нескольких сценах из жизни, одной из них и заканчивается основная часть документа. Писатель подвел черту под диалогом двух женщин о своих потерях: «Смерть стала привычной». Запись без даты, но по контексту ее можно отнести к середине февраля 1942 г. После этого писатель обращался к блокноту очень редко, только для того, чтобы отметить самые значительные события жизни.

Дневник можно рассматривать не только как источник биографической информации, данной сквозь призму оценок автора, но и как рабочие материалы писателя – военного корреспондента. Он включает подслушанные диалоги, сценки из жизни. Судя по архиву Кратта, писатель часто собирал материал для произведений, беседуя с очевидцами, и работы его носили в большой степени документальный характер. Так, две записи дневника посвящены «дороге жизни». Уже в годы войны Кратт начал работать над повестью о ее создании. Он общался с бойцами, прокладывавшими путь через Ладогу, собирал о нем газетные статьи (от 10–14 мая 1942 г.) и фотографии,¹⁸ т. е. действовал как кор-

---

¹⁸ В фонде Кратта сохранилось 5 номеров газет и вырезок (Там же, ед. хр. 62); а также датированные 1942–1943 гг. фотографии перевалочной базы и майора М. Х. Абдурахманова, героя Ладожской кампании (Там же, ед. хр. 63₁, 63₂).

респондент, но в результате написал не очерк или статью, а повесть «Суровый берег» (Л., 1947). Вероятно, записи, относящиеся к началу декабря 1941 г., фиксируют возникновение замысла произведения. В повести даны и яркие картины блокадного города, и резко негативная оценка наживающихся на голоде людей. Речи о них в дневнике нет.¹⁹

Записи, приобретенные для Рукописного отдела Института русской литературы у вдовы писателя в 1966 г., велись в блокноте формата 144 × 203 мм мелким почерком чернилами и карандашом. Часть их датирована, часть оставлена без даты, они отграничены друг от друга небольшой чертой по центру. При публикации разделители были сохранены, а также добавлены для единообразия оформления недостающие (писатель не всегда обозначал конец записи, если тот совпадал с концом листа или следующая строка начиналась датой). В начале дневника текст помещен в две колонки. Судя по датированным записям, писатель мог поочередно писать то в правой, то в левой колонке; более того, он мог начать работать на новом листе, а следующую запись поместить в конце предыдущего. Возможно, это было связано с экономией бумаги. Хотя исписано оказалось всего 7 листов из 94, что говорит о том, что дневник должен был быть по первоначальному замыслу более подробным. Начиная с 25 дек. 1941 г. записи велись подряд и занимали всю ширину листа, проблем с их распределением в хронологическом порядке не возникло. Первые же записи датированы приблизительно по содержанию, и их расположение при публикации является условным. В некоторых случаях записи дневникового характера военного времени Крафт вел на отдельных листах меньшего формата (75 × 129 мм) с отверстиями для прошивки их в блокнот.²⁰ В фонде писателя сохранились такие блокноты с записями разных лет и подготовительными материалами к произведениям, т. е. подобные листы Крафт регулярно брал с собой. Записи на отдельных листах делались, когда писатель находился вне дома (в поездках, в госпитале). Они опубликованы наряду с текстом из блокнота. Перед такой записью дается пояснение в угловых скобках «на отдельном листе». Если кроме датированной записи на листе есть

---

¹⁹ О цензурной истории повести подробнее см.: И. Ф. Крафт. «Суровый берег». Запрещенная повесть (Публикация А. В. Сысоевой) // «Верили в Победу свято»: Материалы о Великой Отечественной войне в собраниях Пушкинского Дома. СПб., 2015. С. 298–309.

²⁰ Крафт И. Ф. Записные книжки (12) // РО ИРЛИ, ф. 674, оп. 1, ед. хр. 501, л. 395–399.

недатированные, они приводятся вместе. Возвращение к основному корпусу отмечено надписью в угловых скобках «в блокноте».

Текст приведен в соответствии с нормами современной орфографии и пунктуации. Незначительная стилистическая авторская правка и исправления описок приведены без оговорок, вся смысловая правка показана с помощью условных обозначений. Соблюдены авторские отступы красных строк и абзацев.

21/X 41 Ленинград.

Курьерша, услышав артиллерийскую стрельбу, беспокоится [, кто стреляет].

– Это наши, – отвечают ей.

– Наши? Ну, господи, помоги им. Царица небесная...

И крестится.

Заваленный взрывом дома, чувствуя, что крошатся от удара зубы, хочет вынуть золотые коронки. Чтобы не погибли, потом теряет сознание.

Убит Игорь Побуковский.¹

Мина взорвалась, когда он подвозил снаряды. Ранение в брюшину, скоро умер.

Не мог ничего сказать в утешение его жене.

Жаль бедного Игоря. В его смерти виноваты Кетлинская² и Черных.³ Они буквально заставили идти его в рабочий отряд.

Эвакуируются издательства, театры. Нет тока, машины нужно пускать вручную. Скоро закроются, конечно, журналы. А писателям эвакуироваться нельзя – «позор». Что же им делать?

Для обороны города они не годятся, писать некуда и не могут. Истощены. Разве не нужнее десятка три писателей, нужных стране там, за блокадой, и в дальнейшем, чем эти три десятка негодных во-як? Практика уже показала с \писательским/ ополчением.⁴

В столовой опять появились какие-то старухи с голодными глазами, темными неумытыми лицами. Они появляются в Союзе только во время бедствий.

С 20/XI хлеб по карточкам для служащих и иждивенцев 125 гр. в день. Рабочим 250 гр.

27/XI <1941 г.> Военторг пригласил нас – меня, Шварца, Груздева, Спасского, Берггольца (Вера Инбер заболела)⁵ – почитать что-нибудь командирам штаба. Главное, покормить нас.

Когда ужинали, мы, еще стесняясь, незаметно спрятали по 2 маленьких кусочка хлеба. И ели, сколько могли. Хлеб подавался в общих тарелках.

Писатели, \вернее, околотерат<урные> люди,/ приходят в столовую с утра.

Особенно Сторицын.⁶ Ждут и ссорятся. Обед начинается в 1 час.

1/XII <1941 г.> в 12³⁰

Снарядом меня контузило, когда шел в Союз. Снаряд упал в канал против церкви Спаса на Крови. Меня швырнуло, залило водой, легкая рана на щеке. Сохранил большой осколок, упавший рядом. Он был еще теплый.

2/XII <1941 г.> Груздев сообщил мне, что Попков (уполн<омоченный> СНК и председатель Ленисполкома)⁷ разрешил отправить на самолетах человек 10 писателей. В том числе и меня. Отлет 4¹⁰. Я пока воздержался. До сих пор я все еще чувствую ответственность перед товарищами и, кроме того, куда ехать?

Шварц и Спасский охотно согласились.

4/XII <1941 г.> Два дня в Союзе толкутся люди, хотят эвакуироваться и жадно пишут заявления.

5/XII <1941 г.> Шварц получил эвакуировочное свидетельство. Возможно, улетает после 7^{то}.⁸ Спасский – пока нет. Кетлинская, вероятно, наклеузничала в Горком и там взялись пересмотреть список.

5/XII <1941 г.>

Сегодня Островский⁹ собирался домой поскорее, чтобы есть кошку. Он поймал ее на лестнице, убил молотком, освежевал. Получилось кило три мяса. Жена стушила. Говорят, мясо кошки не очень плохое. Можно есть.

Немцы часто меняют тактику обстрела и бомбежек. Первые дни декабря тревога продолжалась 5–6 часов. Начиналась почти одинаково в 12 ч. дня. Зато ночью был только обстрел.

Теперь, с 4^{то} тревога прерывается несколько раз за день и часто бывает раза три ночью.

Люди уходят из города пешком, через Ладожское озеро. Холод, ветер, обстрелы. Идут в белых халатах, в белых чехлах вещи.

Путь «пешеходно-бомбежный» около 300 километров. Часть дороги, говорят, можно проехать на машинах, подвозящих в город продовольствие. (Мало, незаметно его.)

Что будет? Нервы издергались, нет у многих силы воли.

Нина¹⁰ часто спит, не раздеваясь. В бомбоубежище почти не ходит. Разве, когда тащит ее Римма,¹¹ или приходит напуганный Геннадий.¹²

Я не хожу вниз.

Пещерные жители.

У нас в доме пока еще тепло, есть вода и свет. Но с декабря уголь весь будет только для заводов, дома ничего не получат. Свет не горит у многих. Страшнее голода – холод.

Талонов на крупу (в столовой) часто не хватает до конца месяца. Люди меняют друг у друга, выпрашивают, занимают. Уже никто не стыдится.

На самолетах в ноябре эвакуировали не только рабочих заводов, но и их семьи. Аэродром похож на вокзал III класса.

Женщины с узлами, тюками, рев детей. Многие тащат с собой швейные машинки, хотя вес багажа на человека до 20 кг. Обычное российское «богатство» – машинка! Потом приходится бросать.

6/XII <1941 г.> Сегодня совсем не было тревог.

7/XII <1941 г.> Сегодня воздушных тревог тоже не было. Зато происходил сильный артиллерийский обстрел с 6 до 10 вечера (наш район), а потом ночью.

Наверное, немцы в связи с объявлением Англией войны Финляндии оттянули на север свои воздушные силы. Их здесь под Ленинградом немного. Над городом летает 5–6 самолетов.

<на отдельном листе:>

10го декабря <1941 г.>. Сегодня под Тихвином разгромлена группа генерала Шмидта.¹³

Тихвин освобожден. Убито до 7000 немцев.

Это первая крупная победа на нашем участке за последние м<еся>цы войны.

Настроение поднялось сразу. Затихли даже разговоры об эвакуации.

Пять дней уже нет воздушных тревог.

Хорошо было бы, если бы так продолжалось по возможности дольше.

<в блокноте: >

24/XII <1941 г.> Сегодня была утром воздушная тревога в первый раз за все эти дни. Звучит странно, но люди идут. Никто не стремится в бомбоубежище. Правда, налета, как видно, не было. Тихо все прошло.

24/XII <1941 г.> В надстройке холодно.

Сидим на кухнях около маленьких «буржук».

Необычно звучит снизу рояль в 12 ч. ночи.

Свет у нас пока есть, но лимит 1 ½ клв. в сутки. А я сжигаю 7.

И то только на освещение.

Зато с Гором разработали план 2го альманаха (устного).¹⁴

Хочется поговорить о литературе.

24/XII <1941 г.> Люди здорово мрут.

У нас в надстройке 4 покойника. Похоронить трудно. Вырыть яму 500 р. или за 2 кило хлеба. Гробов нет. Хоронят в одеялах, мешках. Везут на саночках.

Отошали все. В учреждениях холодно, темно, много не выходит на работу. «Умер».

Умирают тихо, в постели, иной раз на улице. Часто в пути просят довести домой.

Сегодня ночью умер Валов.¹⁵ Он так и не ушел из дома писателя. Остался в общежитии МПВО.¹⁶ Умер во сне в 12 ч. ночи.

Вчера еще просил карточку 1^й катег<ории>.¹⁷ Ему вчера же и разрешили.

Трамваи почти не ходят. Порваны провода, некому чинить. Нет тока.¹⁸

Вставать радостно. Ждешь нового дня, как события. Кажется так интересно жить! Ведь живем в необычное время. Мы участники замечательных страниц истории. Одно плохо: движешься с трудом и страшно становится расстояний. Но голова работает. Хочется, как никогда, писать. Мечтаю закончить роман. Написал большой рассказ

«Закон жизни». О трусе, который гибнет, и человеке большой воли, который побеждает, потому что хочет жить и выжить во что бы то ни стало не только для себя.

Ложиться спать не хочется. Все так же мало дня.

Перефразирую латинян:

«Sana mens in corpora sano»¹⁹

«Corpora sano pro sana mens»

(«Здоровое тело благодаря здоровому духу»)

Нужно выжить во что бы то ни стало. Впереди много еще замечательного.

Слухи ОЖС –

«одна женщина сказала»

Слухи ОВР –

«один военный рассказывал».

(Это в ноябре и октябре, насчет вестей с фронта)

На рынках меняют все:

часто видишь 2 залапанных конфеты.

– Что хотите?

– Дуранды.

Дуранда (жмых)²⁰ основная мера ценности. Как древние египетские плитки. Она и похожа на них. Плитки, и можно отламывать.²¹

декабрь:

Килограмм хлеба (если удастся купить) стоит 300 рублей.

Разговоры везде только о еде.

Еще о прорыве кольца блокады.

Еще о прибавке по карточкам (хлеба).

Ждут почти каждую декаду. Люди фантазируют и верят.

Сахар в столовую носят писатели мелкими кусочками в коробочках от лент для пишущих машин. У меня «Pelican».²²

25/XII <1941 г.> Сегодня наши взяли Мгу.²³ Дорога свободна, кольцо прорвано. Мы победили! Великий русский народ. Чудесные ленинградцы. Мы выдержали и не сдали. Сегодня прибавили и хлеб 350 раб<очим> и 200 гр. служ<ащим> и иждивенцам. Общая радость. Люди стали добрее. Главная радость не в прибавке даже, а именно в сознании, что город выдержал блокаду. Хочется праздновать!

19/I 42 г. Пишу при едкой копилке «глазке» у плиты на кухне. Нет света, отопления. Живем с Ниной здесь, мать спит, закутанная всем, чем можно, в холодной столовой.

Предыдущая запись была слишком рано оптимистической, преждевременной. Уже еле хожу. Умерло от истощения 16 человек у нас, в Союзе. Умер Сергей Семенов²⁴ (уехал к Федюнинскому²⁵ на прорыв и получил, помимо всего, еще и крупозное воспаление легких). Радовались мы рано. Продовольственное и топливное положение города в январе резко ухудшилось. В магазинах пусто, очереди по 5 часов за хлебом. Правда, последние дни лучше. Очередей нет, и хлеб хороший, чистый.

Люди мрут на улицах, трамваев давно нет. Огромная деревня с затоптанными накрепко путями. Пожары. Сгорел Гостиный двор (часть). Равнодушные, апатичные люди смотрят, и только. Морозы до 35°. Воды нет. Нет у людей и сил. Хоронят, если можно довести до кладбища, в братских могилах без гробов. Люди везут родственников на детских саночках. Папирос и табаку нет. Пачка Беломора 40–50 рублей. Кило конины 250 р. Соли нет. Хлеб до 400–500 р. кило. Мясо, если можно добыть, 400 р. Шоколад (плитка) 300 р. И это за деньги случайно. Все только меняется. Свеча 40–50 р. Говорят, что умирает ежедневно до 20 000 человек. У всех на уме и языке одна мечта – прибавка хлеба. Люди ждут конца перерегистрации карточек (с 12 по 20^е) как избавления: может быть, с 21го будет прибавка хлеба.

В Союзе холодно. Не раздеваемся, замерзают чернила. В столовой холод и часто мрак. Сидят в шубах, шапках. Истерика, стуки. Ждут по несколько часов, каждое промедление вызывает неистовство. Многие опустились, не бреются, не моются. Рвутся к обеду, как свиньи к корыту.

11го был общегородской утренняя интеллигенции в капелле (платный). Мороз 35°. Помещение не отапливалось. Почти треть зала все же была заполнена. Выступал Вишневский, как всегда, немного

подогрел.²⁶ Читала Кетлинская, Прокофьев, Тихонов.²⁷ Я и Саянов²⁸ уже не читали. Просто люди окончательно замерзли, а еще ждали артисты. Кроме того, архитектор Ильин²⁹ чересчур долго выступал и совсем затянул программу. Но все же утренник состоялся. Это было единственное «мероприятие» в городе, сбывшееся из-за холодов, в этот день.³⁰

Писатели все же пишут, хотя многие не могут ходить. Я с огромным желанием понемногу работаю над «Америкой». Нет только света и быт заедает почти весь день. Одно хождение на обед отнимает 4–5 часов.

Мечтаю в книжной лавке купить «Волшебную гору» Т. Манна. Теперь книг много, но они все же раскупаются. Правда, магазины из-за света не торгуют. Работает только наш отдел лавки.³¹ Вообще, город почти умер. Еслиходишь в какой-либо уцелевший магазин, сам зажигаешь спичку, присматриваешься к остаткам товаров на полках. Холодно, темно, пусто...

Вот когда мы почувствовали блокаду.

Зато Новый год встречали хорошо. Перед новыми (после первой прибавки хлеба) перспективами «раскошелились». У меня была бутылка шампанского, бутылка пива, три селедки, маленькие пирожки из сои с рисом (спекла Нина), суп. Дус принес полкило макарон, Тося³² фляжку пива и мелкие «сюрпризы» из противогаза: кусочек сыра, два печенья, свою горчицу, сахар. Наелись отлично. В первый раз за многие дни были по-настоящему сыты.

Послезавтра очередной устный/ альманах. Прошлый раз прошло неплохо. Топился камин, горели свечи. Хорошие стихи читала Инбер. Потом был обед, с вином (из запасов старых ресторана).

В горкоме обещали помочь работающим писателям. Обещали немного дров и 25 литров керосина. Шумилов³³ сказал, что, несмотря на то что типографии стоят, лишь кое-где работают вручную, если будет нужная книжка, выпустят теперь же. Моя «Закон жизни» одобрена горкомом. Хочется выпустить этот сборник. Это этап первых дней войны.³⁴

20/1 <1942 г.> Сегодня с Ниной возили на саночках с Петрогр<адской> стороны кокс. Везли 3 мешка. Мороз 34°. Трудно везти. Ноги еле движутся. В особенности подъемы на мосты, насыпка в низ-

ком подвале, подъем на 4^й этаж. Сам не мог. Нанял человека за пачку папирос «Антракт»³⁵ втащить мешки. Зато мы обеспечены топливом на две недели. В городе более пусто. Несколько трупов (без сапог и шапок, завернутых в тряпье) лежат на улицах. Горят дома. Люди возят воду с Невы в бочках, ведерках.

Дуранда. (Жмыхи.) Дурандовые лепешки. Огромный спрос и сбыт.

24/1 <1942 г.> Сегодня снова прибавка хлеба населению. Рабочим 400 гр., служащим 300, иждивенцам 250 гр. Хлеб чудесный, чистый, светлый. Люди встретили эту прибавку без особенного энтузиазма. Ждали больше. Однако в городе чувствуется не такая вялость. Правда, стоят большие морозы (34° Цельсий), приходится двигаться скорей.

Женщины почти все в мужских штанах, ватниках, лыжных брюках, валенках. Нет крашенных губ, пудренных носов. Одежания самые разномастные. Лишь бы теплее.

22/1 <1942 г.> Уехали Спасский, Раковский с Риммой, Вагнер. Раковский забрал даже кастрюли. Хозяйственный мужик. Этот не пропадет.

30/1 <1942 г.> Самый тяжелый для Ленинграда пока январь. Говорят, что умирает в день до 45<00> человек. Всюду трупы. Кошмар. Нина видела у магазина возле окопной баррикады труп ребенка с отрезанными ягодицами. Возможно, съели.

За хлебом очереди круглосуточные. Топлива нет, хлеба нет. Морозы свыше 30°. Вчера на Желябовой³⁶ раздавили и убили в очереди 9 человек. Милиция не может ничего сделать.

У нас в Союзе мрут по-прежнему. Вчера в канцелярии валялись на полу двое умерших. Сорокин-Гайворонский и сын Кугеля.³⁷ Говорят, что Сорокин еще умирал, когда ходили по нему. А над ними шла запись на получение по карточкам хлеба коллективно.

В истерике многие. Плачут в бессильной слабости мужчины. Пошехонов³⁸ ревел у холодной печки.

В городе на весь Л<енингра>д всего три тонны жиров. Масла и заместителей не видели многие уже много дней.

Зашел к истопнику Уткину (живет в полуподвале надстройки). У него двое родственников. Один умер ночью, рабочий 37 л. Второй умирал на грязном диване. Корчился. Хозяйка спокойно и деловито разбирала чемоданчик умершего, откладывала носки, сорочку, несколько сухих кусков стирального мыла – весь скарб. Сын хозяйки 16 л. ремесленник Вася с огромным любопытством наблюдал, как умирает дядя.

– Помрет через час, видно.

Притуплены чувства. Юрист Л<и>т<ературного> ф<онда> толстый Гуревич, носившийся с дочкой 12–13 лет как с драгоценностью, сегодня заявил равнодушно:

– Умирает. Может быть, умерла. Ничем не могу помочь.

Выживут сильнейшие, волки. И сильные духом.

Килограмм хлеба – 1 тысяча рублей, масло 2000 р. Но надо достать. Счастье, если за золотые часы можно выменять 4 кило мяса.

Подняться на 6 этаж проблема. Я не могу получить на радио деньги, потому что бухгалтерия в 6 этаже. (Это можно использовать даже как прием.)

Газет нет уже с неделю. Радио и телефон часто выключены.

Трупы надо сжигать. Весной будет страшно. Угроза чумы и прочих болезней слишком реальна.

Женщины, как кошки. Выживают и переносят лишения лучше мужчин. Часто мужчина сегодня еще работал, пришел домой, лег, а утром уже мертв. Женщины, даже старухи, тянут долго и даже поправляются.

Санитарка госпиталя говорила, что к ним нередко привозят только что взятых по мобилизации. Привозят сразу в госпиталь еще в штатском. Стараются поднять на ноги, откормить.

– Умирают с кашей во рту, – говорит девушка огорченно. – Слабые очень.

4/II <1942 г.> Сегодня снова обстрел, как видно, с финской стороны. Много жертв. Обстрел нашего р<айо>на. В надстройку попало 2 снаряда (в 4 ч. дня).³⁹ Я сидел у окна, сильный удар, посыпался с крыши снег. Потом оказалось, что снаряд на углу дома сорвал крышу над кв. Мирошниченко,⁴⁰ а в окно кв. Шварца просто влетел снаряд, пробил большую брешь. Снаряды осколочные. Жертв не было, в комнатах никого не оказалось. Люди были на кухнях.

5/II <1942 г.> Получили Ленсоветовский подарок. По 1 кг муки, 1 кг концентратов (гречневая каша) и 1 плитке превосходного шоколада.⁴¹ Это на 50 человек актива. Чудесные вещи. Если бы еще жиров и хотя бы такие подарки раз в декаду – можно было бы продержаться.

Сегодня в Союзе ажиотаж. Завтра уезжает по эвакуации много (чел<овек> 30) писателей. 12³⁰ <так!> Человек 300 иждивенцев, служащих и писателей. Пустеет Союз. Мы очень рады, что можем спасти людей, и вместе с тем очень грустно. Что будет с нами?

5/II <1942 г.> Закончил 7ую главу 2й части романа. Очень хочется работать. Иногда думаю о романе как о единственной отдушине среди жестокой действительности. Работаю – отдыхаю.

<на отдельном листе:>

9/II <1942 г.> У Орлова⁴² засед<ание> Правления. Принимаем в члены Союза Алехина.⁴³ (Первый случай за время войны.) Говорим о жанре, литературе послевоенной, будущей. Орлов лежит, жена лежит. Мы сидим с трудом. Дымно, темновато. Над диваном маячит лампа. Но с радостью говорим о литературе. Надоело о бытовых делах.

—
<в блокноте: >

11/II <1942 г.> Прибавили хлеба. Рабочим 500 гр., служащим 400, иждивенцам 300. Народ воспрянул.

—
12/II <1942 г.> Сегодня уезжает из Союза человек до 300. Масса посторонних. Товарищей мало. Едут Дружинины.⁴⁴ Уехал Воеводин,⁴⁵ порядочно людей. Грустно. Увидимся ли? Очень хочется тоже уехать. Почему-то теперь не жаль оставить Ленинград. Скоро весна, хочется отдохнуть. [Нина] \Ан./ уехала в Алма-Ату. Осталось нас теперь совсем немного.

—
В городе дизентерия. Трупы. Возле нашего дома, на дороге, аккуратно запеленатый труп. Похоже на мумию. Никто даже не смотрит.

—
Женщина, оживленно беседуя, спокойно перечисляет, словно полочку какую-нибудь.

– Похоронила двух зятьев, невестку, мужа.

Она даже уже не ощущает потери. Смерть стала привычной.

—
<на отдельном листе:>

23/II <1942 г.> Лежу в госпитале. Горит электричество, тепло. Чувствую себя хорошо, только удивительная слабость. Шел сюда с трудом. Нина провожала. Ослабел так за последние дни. Расстроил желудок – старая история. Теперь отвращение к пище. Даже странно. Как раз стационар мог подкормить. Плохо, если скоро не поднимусь. Хотелось бы работать над романом, хотелось бы снова стать здоровым. Да и болезнь нелепая, какое-то бессилие! Все делаешь «по час-тям». Движения как-то расчленены.

—
30/V 42 Конференция писат<елей> города, армии и флота.⁴⁶

«Жгучую ненависть к врагу должны своими произведениями пробуждать сов<етские> писатели в эти дни».

Нужно сейчас ковать оружие, а не писать большие повести и романы. (Маханов)

«Без рук, без ног
к немцам скок
и немцы вдруг
без ног, без рук»⁴⁷

<в блокноте: >
29/XI 42 г. Кончил роман «Русская Америка».

18/I 43 г. Прорвана блокада города. Войска Волховского фронта соединились с нашими.

<на отдельном листе:>
«Ну, год не дадут, фронт дадут», – говорит красноармеец-лодырь.

«Если детей на свет выпускаешь, так надо их и обеспечить».

«Такая штучка», – говорит Рябинин на все, на сестер, врача, кружку и проч.

Учился говорить и вспоминал все. «Нашел жену», – вспомнил, как ее зовут и фамилию.

«Слезы близко»

Запасной стеклянный глаз в кармане. Идет в наступление, потеет, вставит на бегу запасной.

Сережа расплакался как маленький, когда получил из дома письмо. Вся палата беспокоилась и мягко, заботливо относилась к нему.

Сереза Круглов⁴⁸ (сержант) постепенно «восстанавливается». Теперь ему лет 10 («машина времени»).

Он забыл даже азбуку, учит все сначала. Пишет «непонятные» (забытые) слова в записную книжку. Исписал тумбочку.

Первое слово после операции – ругательство.

Когда шли в атаку перед ранением, наверное, ругался. Всей палатой помогали вспомнить имя матери. Называли имена.

– Кто сказал? – вскочил он вдруг, когда кто-то назвал имя Елены.

Так, оказывается, и звали его мать.

Ходит по палате весь день, слегка надоедает. Ему скучно, он ведь еще «ребенок». В кино пока ничего не разбирает, но первый тащит других за час до начала.

Швейк – Пономарев.⁴⁹

«Толстой, да пустой»

7/V <1943 г.> Выездное засед<ание> правления в 42 армии. Я, Кетлинская, Хмельницкий, Штейн, Жданов, Зуккау-Невский.⁵⁰

Прибыли с передовых несколько литераторов. Кетлинская делает доклад.

<в блокноте: >

27/I 44 г. Ликвидирована окончательно блокада Ленинграда. Немцы отогнаны на 65–100 км. Взяты Мга, Пушкин, Красное Село, Петергоф, Гатчина и др. Освобождена Северная дорога, на днях освободится Октябрьская.

Знаменитый день. Специальный приказ по Ленфронту. В 8 ч. вечера был салют из 224⁵¹ орудий, 24 выстрела. Первый случай, что не Москва. Пушки стреляли на Марсовом поле, у Казанского собора, на набережной. Тысячи разноцветных ракет, гром, дым залпов и вспышки, золотые угли, зеленые, красные, белые огни фейерверка. Люди спешили к полю со всех сторон, с фонариками, как под пасху, а потом фонари стали ненужными. Было светло, празднично, эффектно. Ленинградцы в последний раз слышали грохот орудий. Красный луч прожектора медленно полз по небу. А под ним веселье разноцветных огней. Приказ по городу ходить до 1 ч. вместо 11ти.

Трансляция по радио на весь мир. Сам Маханов руководил передачей в доме радио.

---

2 мая 1945 г. Пал Берлин. Взяли его войска Жукова (1^й Белорусский фронт) и Конева (1^й Укр<аинский> фронт). Гарнизон в последний час капитулировал. Взято в плен больше 70 000 немцев.

---

3 мая 45 г. Сегодня уже передача корреспондентов из Берлина. «Слушайте наших корр<еспонден>тов из Берлина!» Поразительно!

---

¹ *Побуковский Игорь Александрович* – с 1939 г. – секретарь драмсекции ЛО СП, с 1941 г. – управляющий делами.

² *Кетлинская Вера Казимировна* (1906–1976), см. примеч. 49 на с. 132.

³ *Черноков Михаил Васильевич* (1887 или 1890–1943), см. примеч. 5 на с. 65.

⁴ Подробнее о неудаче с народным ополчением см. в дневнике А. П. Крайского запись от 21 авг. 1941 г.

⁵ *Шварц Евгений Львович* (1896–1958), см. примеч. 11 на с. 338; *Груздев Илья Александрович* (1892–1960), см. примеч. 69 на с. 342; *Спасский Сергей Дмитриевич* (1898–1956) – поэт, прозаик, драматург, переводчик, критик, во время войны печатался в журналах «Звезда» и «Ленинград», был в народном ополчении; *Берггольц Ольга Федоровна* (1910–1975) – поэтесса, работала в радиокомитете, ее называют голосом блокадного Ленинграда; *Инбер Вера Михайловна* (урожд. Шпенцер; 1890–1972), см. примеч. 62 на с. 342.

⁶ Возможно, имеется в виду *Сторицын Петр Ильич* (1894–1941; наст. фам. Коган) – поэт, театральный критик; умер от голода в блокадном Ленинграде.

⁷ *Попков Петр Сергеевич* (1903–1950), см. примеч. 40 на с. 70.

⁸ Шварц с семьей был эвакуирован в Киров, куда прибыл 22 дек. 1942 г.

⁹ *Островский Арсений Георгиевич* (1897–?) – переводчик и литературовед, работал во время войны редактором в издательстве «Советский писатель» и в литературном отделе радиокомитета.

¹⁰ *Кратт Нина Кузминична* (урожд. Пугачева) – жена писателя.

¹¹ Дочь Раковского Леонтия Иосифовича (1895–1979), прозаика. О нем см. примеч. 30 на с. 26.

¹² Скорее всего, имеется в виду хороший знакомый Кратта, живший в надстройке писателей, *Гор Геннадий (Гдалий) Самойлович* (1907–1981), см. примеч. 64 на с. 342. Эвакуирован в 1942 г.

¹³ *Шмидт Густав Рихард Эрнст* (1894–1943) – немецкий генерал вермахта. Тихвин был взят во время одной из первых крупных наступательных операций советских вооруженных сил 10 нояб.–30 дек. 1941 г.

¹⁴ См. с. 374 вступ. ст.

¹⁵ *Валов Василий Игнатьевич* (наст. фам. Кузьмин; 1902–1941), см. примеч. 39 на с. 340.

¹⁶ В публикуемом в настоящей книге дневнике Е. А. Борониной тоже речь идет о смерти Валова. В записи Кратта уточнено место – общежитие бойцов местной противовоздушной обороны, которое располагалось по адресу: ул. Воинова (современное название Шпалерная), 18.

¹⁷ Карточки выдавались жителям в зависимости от их категории: рабочие, служащие, иждивенцы и дети. Нормы выдачи продуктов 1-й категории были выше.

¹⁸ Открытие регулярного трамвайного движения произошло 15 апр. 1942 г. (*Ковальчук В. М., Рутасов А. И., Чистиков А. Н.* Хронология событий в Ленинграде в июне 1941–мае 1942 годов // «...Сохрани мою печальную историю...»: Блокадный дневник Лены Мухиной. СПб., 2011. С. 353).

¹⁹ Правильно «*Mens sana in corpore sano*» («В здоровом теле – здоровый дух», *лат.*).

²⁰ Остатки семян после выжимания из них масла.

²¹ В Древнем Египте была распространена денежно-бартерная система. От металлических пластинок, служивших «деньгами», в процессе торговых операций отрезали кусочки требуемой величины. Но чаще всего покупатели расплачивались продуктами, принимаемыми продавцом, которые, в свою очередь, оценивались на вес золота, серебра или меди.

²² Известная немецкая фирма, одна из первых торговых марок Германии, официальная дата основания – 28 апр. 1838 г. Правильное написание «*Pelikan*».

²³ См. примеч. 57 на с. 72.

²⁴ *Семенов Сергей Александрович* (1893–1942), см. примеч. 104 на с. 76.

²⁵ *Федюнинский Иван Иванович* (1900–1977), см. примеч. 46 на с. 341.

²⁶ *Вишневский Всеволод Витальевич* (1900–1951), см. примеч. 70 на с. 342. Возможно, Кратт имеет в виду склонность Вишневского к трагической тематике.

²⁷ *Прокофьев Александр Андреевич* (1900–1971), см. примеч. 21 на с. 21; *Тихонов Николай Семенович* (1896–1979), см. примеч. 71 на с. 343.

²⁸ *Саянов Виссарион Михайлович* (наст. фам. Махнин (Мохнин); 1903–1959), см. примеч. 73 на с. 343. Был военным корреспондентом фронтовой газ. «На страже Родины».

²⁹ *Ильин Лев Александрович* (1880–1942) во время блокады работал над книгой «Прогулки по Ленинграду». 11 дек. погиб на улице во время бомбардировки Ленинграда немецкой авиацией.

³⁰ Афишу утренника см. на вклейке.

³¹ Речь идет о Книжной лавке писателей, которая работала всю войну. Возможно, имеется в виду отдел обслуживания писателей.

³² Сведений об этих гостях Кратта обнаружить не удалось.

³³ *Шумилов Николай Дмитриевич* (1904–1982) – с 1941 г. секретарь Ленинградского горкома партии по пропаганде и агитации, с 1942 г. редактор «Ленинградской правды».

³⁴ В сборник вошло десять рассказов – о подвигах военных и партизан, о жестокости врагов.

³⁵ Производство табачной фабрики им. М. С. Урицкого, в пачке было 20 папирос.

³⁶ В 1991 г. улице возвращено старое название Большая Коношечная. Возможно, очередь к центральному магазину «Торгсин» (д. 21–23).

³⁷ Об этой смерти речь идет и в дневнике Борониной (запись от 28 янв. 1942 г.). О Кугеле см. примеч. 87 на с. 344, о Сорокине-Гайворонском Александре Игнатьевиче см. примеч. 81 на с. 74.

³⁸ *Пошехонов Всеволод Ефимович* (1907–1942) – прозаик, боец пожарной команды Дома писателей. После гибели в блокадном городе матери и сестер отправился

через Ладожское озеро, дальнейшая судьба неизвестна. См. подробнее: *Брянская О. С. О Всеволоде Пошехонове // Устюжна: Историко-литературный альманах. Вологда, 1993. Вып. 2. С. 295–297.*

³⁹ А. В. Буров перечислил и другие попадания в Центральном районе 4 февр., в том числе в дом напротив, заметив: «В этот день бойцы местной противовоздушной обороны города, выполняя совершенно несвойственную им обязанность, предали земле 6850 трупов...» (*Буров А. В. Блокада день за днем. Л.: Лениздат, 1979. С. 136.*)

⁴⁰ *Мирошниченко Григорий Ильич (1904–1985)* – писатель; в 1941–1945 гг. политработник Балтфлота.

⁴¹ Обертка от шоколада с надписью «Ленинград 8/II 42 г.» осталась вложенной в блокнот и приводится в качестве иллюстрации.

⁴² Скорее всего, речь идет об *Орлове Владимире Николаевиче (1908–1985)*, см. примеч. 41 на с. 340.

⁴³ *Алехин Глеб Викторович (1907–1994; наст. фам. Масловский)*, см. прим. 88 на с. 75.

⁴⁴ Видимо, имеется в виду семья писателя *Дружинина Владимира Николаевича (1908–1995)*, который во время войны работал корреспондентом «Последних известий по радио» в Ленинграде, в 1943 г. был призван в армию.

⁴⁵ *Воеводин Всеволод Петрович (1907–1973)* – прозаик, драматург; в 1941 г. участвовал как сценарист в «Боевом киносборнике № 2», в 1942 г. выпустил сборник рассказов «Бой продолжается».

⁴⁶ Видимо, эта и две следующие записи, занимающие отдельный листок и написанные голубыми чернилами, были сделаны на конференции.

⁴⁷ Это загадка времен войны, ответ – мина (см.: Русский фольклор Великой Отечественной войны. М.; Л., 1964. С. 256. В комментарии указано, что загадка была записана в 1942 г. от бойцов действующей армии).

⁴⁸ Личности красноармейцев Круглова и Рябинина не установлены.

⁴⁹ Сатира Я. Гашека была направлена против немецкого милитаризма, и в годы Великой Отечественной войны сразу несколько авторов (А. В. Баковиков, Л. И. Раковский, М. Р. Слободской) писали подражания его роману. В предыдущей записи речь идет о кино. Известны три киноверсии, созданные в военное время, – «Боевой киносборник № 7» (1941), «Швейк готовится к бою» (1942) и «Новые похождения Швейка» (1943). См. о фильмах подробнее: *Долинский М. Связь времен. М.: Искусство, 1976. С. 268–275.* Но второй фильм был запрещен, а в 1941 г. писатель еще не страдал от истощения и маловероятно, что он лежал в госпитале. Так что записи условно датируются 1943 г. Кого именно Кратт сравнивает со Швейком, установить не удалось.

⁵⁰ *Хмельницкий Сергей Исаакович (1907–1952)*, см. примеч. 4 на с. 337; *Штейн Александр Петрович (1906–1993)* – писатель, драматург, сценарист; во время войны служил офицером на Балтийском флоте; *Зуккау Владимир Гербертович (1911–1968; псевд. Невский)*, см. примеч. 101 на с. 345.

⁵¹ У Кратта указано неверное число: салют производился из 324 орудий.